

Образ науки в постмодернизме

О. В. ХЛЕБНИКОВА

Существующая программа подготовки аспирантов к сдаче кандидатских экзаменов по истории и философии науки предполагает изучение в первой, общетеоретической части данного курса проблем, связанных с эволюцией подходов к анализу науки. На мой взгляд, было бы полезно при рассмотрении этих проблем затронуть не только уже ставшие традиционными и привычными темы (например, тему позитивистского и постпозитивистского подхода к науке и т.п.), но и вопросы, пока еще недостаточно полно и ясно представленные в соответствующей учебной литературе. Речь идет о так называемом постмодернистском образе науки.

Во многих современных учебниках как по философии вообще, так и по философии науки в частности отношение постмодернизма к феномену науки так или иначе рассматривается негативным образом. Так, например, В.А. Канке в учебном пособии для магистрантов и аспирантов «Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия» утверждает, что «деконструктивный постмодернизм... занимает антинаучные позиции»¹. А в учебнике П.В. Алексее-

¹ Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000. С. 191.

ва и А.В. Панина постмодернизм определяется как «новый этап антисциентистской установки»². Тем не менее, на мой взгляд, существует необходимость и возможность положительного рассмотрения постмодернистских взглядов на науку.

Для получения наиболее полного представления о постмодернистском образе науки необходимо обратить внимание на некоторые принципиально важные ответы, даваемые постмодернизмом на определенные основополагающие вопросы. К таким вопросам относятся прежде всего следующие:

1) что представляет собой наука, взятая в качестве специфического вида деятельности?

2) в чем заключается сущность научного знания, и какова его специфика по сравнению с другими видами знания?

3) что есть наука, понимаемая как особая социальная единица?

В соответствии с логикой постмодернистских ответов на поставленные вопросы может быть построена и лекция, посвященная данной проблеме.

Так, наука, взятая как деятельность, сводится к конструированию некоторой совокупности идеальных объектов, обладающих заранее определенным набором свойств и поставленных по отношению к ученому в соответствующую значимую в познавательном смысле пози-

цию, и теорий, устанавливающих связи между данными объектами. И здесь ядром постмодернистского представления о науке является понимание ее в качестве языковой игры. Поэтому любые идеальные научные объекты рассматриваются как элементы структуры соответствующего дискурса. Практически это означает, что для успешного конструирования подобных объектов, во-первых, нужно обосновать возможность их экспликации в таковом качестве и неизбежность их «появления» внутри сферы действия современного «исторического априори». Во-вторых, необходимо учесть как можно большее число конфигураций того или иного идеального объекта, существующих в разных областях научного знания, поскольку подлинно научное исследование этого объекта заключается, помимо прочего, и во взаимной корреляции данных конфигураций. В-третьих, следует четко определить то место, которое идеальный объект будет занимать в соответствующей научной теории, так как его свойства на деле будут являться функцией этого места. Например, если мы изучаем проблему появления сознания у вида *homo sapiens* в процессе эволюции, то мы не можем рассматривать это сознание как трансцендентальное, поскольку свойство «трансцендентальность» не находится в ка-

² Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. М., 2003. С. 198.

ком-либо определенном отношении к месту сознания homo sapiens внутри дискурса биологии.

Сконструированные таким образом идеальные научные объекты постмодернизм размещает в соответствующих дискурсивных полях посредством построения тех или иных научных теорий. И это построение осуществляется следующим образом: прежде всего, все значимые в данных обстоятельствах идеальные объекты берутся как ограниченные совокупности высказываний, которые затем располагаются в некоторую последовательность. Фактически научная деятельность по созданию разного рода теорий в качестве языковой игры заключается здесь в привнесении определенного порядка в полученный объем групп высказываний. И тогда, согласно постмодернистским представлениям, научная теория – это языковая теория, легитимизирующая ту или иную специфическую грамматику.

Мера научности такой теории будет определяться, с одной стороны, степенью соответствия обозначенного порядка постмодернистскому идеалу рационального, с другой стороны, масштабом социальной и культурной востребованности упомянутой грамматики, а с третьей стороны, определенным уровнем интеллектуальной красоты рассматриваемой теории (поскольку особенностью постмодернистского подхода к науке

является, помимо прочего, представление о ее эстетической ценности). Эта красота может быть оценена по степени гармоничности, ясности, простоты, глубины, целостности и элгантности данной теории.

Что же касается постмодернистского идеала рационального, то его принципиальные свойства в самом общем виде можно сформулировать так:

1) исходной посылкой всякого познавательного акта являются чувственные, телесные, тактильные ощущения, возникающие при столкновении с тем, чему следует быть рационально помысленным. Такое столкновение порождает определенное напряжение, интенсивность двоякого рода – интенсивность как таковую и различие в интенсивностях (т.е. при столкновении с тем, что должно быть помыслено, одинаковы и то, что заставляет нечто ощутить, и то, что может быть почувствовано только внезапно, интенсивно);

2) событие мысли совпадает с вербализацией соответствующего смысла. Данный смысл производится, порождается внутри самого высказывания, пока оно высказывается. Порождается в качестве четвертого отношения в структуре этого высказывания (в дополнение к денотации, манифестации, сигнификации и в роли нонсенса, не имеющего поля значений);

3) вербализованные смыслы индифферентны по отношению

к понятию подлинной реальности;

4) вербализованные смыслы не могут быть расположены в те или иные бинарные оппозиции.

Кроме всего вышесказанного, научная деятельность ученого, работающего в русле постмодернистского представления о науке, определяется рядом дополнительных факторов. Во-первых, речь идет о зависимости между личными обстоятельствами ученого и его видением той или иной научной проблемы, между его частными ценностными ориентирами и тем, что М. Фуко называет Взглядом. Помимо всего остального, учитывается и психологическая значимость научной деятельности для исследователя, определяющая важность занятий наукой как отрезка времени жизни человека. Во-вторых, здесь подразумевается факт нахождения любого ученого и всех его действий внутри постоянно рассеивающейся истории культуры. В частности, это означает, с одной стороны, что ни один ученый никогда не бывает свободным от свойственных его эпохе мыслительных стереотипов и правил интеллектуального поведения (и даже осознание данной ситуации тут не поможет, поскольку само допущение возможности достижения незаинтересованного, стороннего Взгляда есть проявление определенного исторически сложившегося правила мысли), а с другой стороны, это значит, что вопрос о датировке

возникновения науки в принципе не имеет однозначного ответа (на этот важный для истории и философии науки вопрос постмодернизм, по сути, отвечает так: наука действительно существует, пока длится событие научной деятельности, и тогда историей ее можно считать тот отрезок времени, внутри которого подобные события стали возможными). В-третьих, в любом научном исследовании всегда остается значимой проблема существования другой точки зрения на изучаемую ситуацию в рамках одной и той же науки, другого Взгляда. Постмодернистская философия определяет точку зрения в качестве различия как такового, а это практически сводит на нет саму возможность положительного диалога между учеными. Имеется в виду диалог, подразумевающий финальное согласование. Поэтому все теории, удовлетворяющие постмодернистским представлениям о научности, рассматриваются им как равноправные в деле предоставления человеку удобного для проживания и деятельности ландшафта реальности. Предпочтение же в случае необходимости выбора отдается теории, пользующейся повышенным общественным спросом.

Если рассматривать науку как особый тип знания, то постмодернистские представления об этом предмете в самом общем виде сводятся к следующему:

1) знание вообще понимается как вид особым образом оформленной и социально значимой информации. Соответственно, научное знание – это определенный информационный объем, являющий собой результат (но не цель!) постмодернистски понятой научной деятельности и анализируемый в дальнейшем в качестве совокупности упорядоченных групп высказываний, потенциально имеющих общественный резонанс;

2) невозможно четкое и однозначное разделение научного и вненаучного знания, поскольку в условиях современности ни один дискурс не может существовать и не существует в чистом виде. Скорее, следует говорить о знании, являющемся научным по-преимуществу, либо о знании, которое позиционируется в культуре как научное;

3) научное знание не должно подвергаться чрезмерной предметной фрагментации и специализации, поскольку это ведет к утрате целостного видения изучаемого объекта. Поэтому наиболее перспективными являются так называемые междисциплинарные исследования (кстати, это одна из причин, почему и в рамках самой философии постмодернизм отказывается от привычной спецификации философского знания на области онтологии, гносеологии, антропологии и т.д.). Причем эта междисциплинарность затрагивает не только предметные об-

ласти разных наук, но и возможность перекрестного применения их теоретико-методологических установок;

4) научное знание не есть ценность само по себе и в себе. Оно выступает как формирующая взгляд предпосылка дальнейшего процесса получения соответствующей информации и как его средство;

5) любые изменения и сдвиги в системах научного знания могут быть объяснены семиотически. То есть движущей силой всякой метаморфозы научной парадигмы могут считаться изменения в отношении между словами и вещами, в процедуре означивания, в процессе смыслообразования;

6) наука развивается парадоксально, поэтому существующее научное знание не может быть развернуто в причинно-следственную цепочку. Все важнейшие научные открытия совершались как бы внезапно. И, следовательно, свойственное большинству ученых представление о необходимости в ходе того или иного научного исследования постоянно соразмерять получаемое знание со всем тем, что уже было сказано в пределах соответствующего дискурса, методологически ограничено (например, с точки зрения классического представления о науке, если мы рассуждаем о сходимости некоторых тригонометрических рядов, то, раз уж мы находимся внутри математического дискурса, мы обязаны учитывать

сказанное всеми нашими предшественниками не только о тригонометрических рядах, но и о математике в целом. Постмодернизм же рассматривает данную презумпцию в качестве препятствующей расширению возможностей соответствующего дискурса и мешающей осознанию механизмов его направляющего воздействия на само мышление ученого);

7) научное знание следует рассматривать прежде всего в качестве нарратива. В данном случае нарратив – это определенный способ бытия текста, содержащего научное сообщение. Вообще постмодернизм обычно реализует свою глобальную стратегию переосмысления и переопределения важнейших западных культурных установок посредством выяснения самой возможности появления представлений о тех или иных формах организации того или иного интересующего нас содержания (и в этом смысле постмодернизм недалеко ушел от Канта). В случае с научным знанием постмодернистский подход сводится к тому же: значение анализа научного знания в качестве специфического нарратива состоит в прояснении в том числе и механизмов формирования в культуре самой идеи научного знания, идеи научного семиозиса, а также способов и путей превращения некоторых совокупностей высказываний в устойчивые знаниевые комплексы, подлежащие обязатель-

ному последующему цитированию.

Если же взять науку как особую социальную структуру, то в этом отношении некоторые постмодернистские идеи обращают на себя внимание.

Так, во-первых, наука, помимо прочего, может рассматриваться как объект разного рода современных общественных мифологий – в том смысле, что наука в качестве дискурса, направленного по самой своей сути, как и всякий другой дискурс, на формирование у людей тех или иных взглядов и представлений (поскольку любой дискурс обладает определенным горизонтом бытования и определенной сферой социального действия), склонна, с одной стороны, к некоей идеологизации собственного языка, а с другой стороны, к превращению в миф. Например, равным образом являются современными мифами и представление о том, что наука есть ценность без всяких условий, и представление о том, что, покупая товары той или иной марки, мы можем самореализоваться. Воздействие подобных мифов на людей огромно. В частности, влияние упомянутого мифа о науке можно увидеть хотя бы в том, что множество самых разнообразных дискурсов сейчас маскируются под научный дискурс и посредством этого тиражируют свои тезисы в масштабе культуры. Нагляднее всего это заметно на примере некоторых современных рек-

ламных акций, когда в качестве составной части дискурса науки начинают позиционироваться йогурты, стиральные порошки и т.п.

Во-вторых, в современных условиях возможно отношение к науке как к своеобразному процессу производства знания. Сейчас в свои права вступает экономика науки, поскольку знание теперь все в большей степени выступает как товар, оно продается и покупается, оно производится как вещь среди других вещей. Знание постепенно превращается в одну из основных общественных производительных сил. Такая ситуация, по сути, сводит на нет этическую размерность науки, превращая ее (науку) в экономический феномен. Поэтому и всякий ученый сейчас выступает зачастую, с одной стороны, как торговец, делец, человек, делающий деньги, а с другой стороны, как рабочий и в этом смысле как винтик в экономическом механизме. Происходит своего рода отчуждение познающего субъекта от самого себя, осуществляющееся посредством рационализации, оптимизации и стандартизации интеллектуальной деятельности через рычаги экономики науки и формирование механизмов воспроизводства нужных социуму способов самореализации.

В целом, как можно видеть, многие постмодернистские представления о науке основываются на идее критики (в кан-

товском понимании термина) тех или иных контекстов ее бытования.

Для более углубленного изучения постмодернистской концепции науки было бы полезно рассмотреть подробнее ее отдельные, частные положения на специальном семинарском занятии, построенном на чтении и обсуждении источников. Данное занятие можно построить в соответствии со следующей содержательной схемой:

1) научные функции и план референции (в философии науки Ж. Делёза и Ф. Гваттари). Источник: Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 149–206;

2) принцип деконструкции в дискурсе гуманитарных наук (по Ж. Деррида). Источник: Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 352–368;

3) эстетика науки (по Ж.-Ф. Лиотару и М. Серру). Источник: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998; Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000. С. 199–236.

Что касается концепции науки Ж. Делёза и Ф. Гваттари, то в ходе обсуждения на семинарском занятии в ней необходимо выделить некоторые наиболее принципиальные моменты. Прежде всего речь идет о ряде очень важных для постмодернистского подхода к анализу науки терминов: функция, функтив, план референции, частичный наблюдатель.

Итак, функция – это структурный элемент предмета науки. Аргументом всякой функции являются частицы виртуального хаоса вещей, событий, состояний и т.п., а значением – те или иные конфигурации плана референции.

Функтив – это составляющая функции, фигура, по которой она прочитывается. В любой функции главным функцивом является предел, замедляющий метаморфозы виртуального хаоса до определенной пороговой величины (эта величина, собственно, и есть предел).

План референции – это ландшафтная поверхность, образуемая всеми принимаемыми в расчет функцивами и ограничивающая таким образом хаос, переводящая его из виртуального состояния в актуальное.

Внутри любого плана референции всегда присутствуют незримые частичные наблюдатели, идеальные субъекты научных высказываний, постоянно удерживающие в горизонте видимого соответствующие функции.

И тогда основные идеи концепции науки Ж. Делёза и Ф. Гваттари можно было бы обозначить так:

1) в окружающем нас виртуальном хаосе событий, вещей и состояний (виртуальном в силу бесконечности его потенциальных возможностей) наука пытается обнаружить некий устойчивый порядок, с тем чтобы кристаллизовать его и утвердить в

качестве реальности. Эту кристаллизацию она осуществляет посредством разного рода функций, провозглашенных зависимостей между элементами хаоса, реализуемых в виде пропозиций в рамках дискурсивных систем. Эксплицированная таким образом реальность, в свою очередь, задает ту или иную физику происходящего, которая только теперь вдруг становится той или иной. Следовательно, само существо науки сводится к операциям депотенциализации;

2) в любой научной функции, отчетливо задающей некоторую конфигурацию плана референции, рассматриваемые объекты и явления всегда остаются величиной переменной. То есть во всякой научной функции мы имеем дело, во-первых, с допущением возможности многообразия физических реальностей, а во-вторых, с ситуацией вычленения необходимого основания конкретной конфигурации (с последующим приведением к нему);

3) все планы референции, создаваемые наукой, ограничены, поскольку все цепи функцивов конечны. Наука, таким образом, парадигматична по своему характеру;

4) идеальный субъект, частичный наблюдатель, помещенный в план референции, воспринимает и испытывает на себе все состояния вещей, которые изучает ученый. В любой научной теории есть подобный скрытый демон, усилием кото-

рого и разворачиваются соответствующие функции. Тут можно вспомнить о Максвелле, который в свое время говорил о демоне, способном среди перемешанных молекул распознавать молекулы с высокой энергией и молекулы с низкой энергией. Таким образом, частичный наблюдатель – это, с одной стороны, точка зрения функтива, а с другой стороны, посредник между ученым и эксплицированной реальностью (и в этом смысле он более реален, чем сам ученый).

Принцип деконструкции, применение которого в дискурсе гуманитарных наук предлагал Ж. Деррида, можно было бы сформулировать так: всякий эксплицированный смысл является продуктом аналитики лишенных инвариантного содержания означающих. Поэтому вследствие того, что в гуманитарных науках главным объектом исследования являются не столько сами вещи, события, люди и т.д., сколько их письменные толкования и толкования толкований, надежным способом получения подлинно научного знания в данной сфере может считаться подчинение мышления ученого соответствующей языковой игре. Классическая наука всегда говорила о необходимости стремления исследователя к объективности, об отказе от увлекающей в сторону косвенности метафор, риторических фигур и пр. Деррида же предлагает относиться к любому

тексту как к месту действия совершенно свободных в своих проявлениях означающих, которые и формируют точку зрения всякого толкователя, ученого. Таким образом, главным признаком научного характера деятельности этого ученого служит последовательность в соблюдении правил поведения, мышления и, собственно, видения, предписанных этой внезапно обретенной точкой зрения.

В самом общем виде процедура научного анализа той или иной совокупности означающих (текста) в гуманитарных науках может быть представлена следующим образом.

1) Условием возможности любого гуманитарного исследования является смещение привычных значений означающих, входящих в рассматриваемую совокупность. В свою очередь, данное смещение обуславливается пониманием игровой сущности всякой структуры (под игрой в данном случае подразумевается люфт элементов внутри соответствующей формы, взятой в качестве целого). В то же время следует осознавать, что подобное смещение никогда не бывает полным и окончательным, поскольку некоторые значения вообще не могут быть смещены никаким сознательным усилием. Поэтому любое исследование, по сути, начинается с рефлексии над основаниями и обстоятельствами производимого смещения. И здесь необходимо, прежде всего, кри-

тическое отношение к тем или иным все-таки унаследованным понятиям и к собственному месту в истории (понимаемой, кстати, весьма своеобразно) соответствующего дискурса.

Позволю себе прямую цитату: «Речь здесь идет о критическом отношении к языку гуманитарных наук и о критической ответственности дискурса. Речь идет о том, чтобы явно и систематически ставить проблему статуса дискурса, заимствующего из наследия необходимые для де-конструкции самого же этого наследия ресурсы. Проблему экономики и стратегии»⁴.

2) Осуществляя описанное выше смещение, рано или поздно мы столкнемся с фактом существования некоторых узловых моментов, благодаря которым этот люфт, собственно, и становится возможным. Конечно, такие узловые моменты образуют просто сеть внутри рассматриваемой совокупности означающих, а не иерархию. И, как правило, именно эта сеть и есть то, что вообще позволяет быть данной совокупности, то, что превращает ее в некоторую постоянно воспроизводимую в науке и культуре форму. Аналитика выделенных узловых моментов может осуществляться двумя способами. Во-первых, можно последовательно разобрать непосредственную историю их формирования. Основная трудность здесь – опасность

совершить полный круг в рассуждениях и вернуться таким образом к неизбежности использования некоторых, по сути, обесценившихся идей и терминов. Во-вторых, можно изначально ограничить пределы значения и действия узловых понятий, строго оговорив области их применения и обстоятельства семиозиса. Следует, таким образом, заранее оговорить тот факт, что у рассматриваемых понятий вообще нет строгих значений, и они не могут быть оценены в категориях истинности или ложности, а только лишь – удачности или неудачности. Фактически это означает, что у науки не может быть никакого устойчивого категориального аппарата, и тогда наука вообще предстает перед нами в качестве процедуры, направленной на выработку и осмысление тех или иных терминологических систем. По большому счету суть данного подхода состоит в признании необходимости отделить метод от истины, разнести инструментарий метода и объективные значения, на которые тот нацелен, избавиться от привычки мыслить вместе понятия «метод» и «истина».

3) Необходимо ввести запрещение на любую отсылку к субъекту. Имеется в виду запрет на любую привилегированную отсылку, абсолютную и окончательную отсылку, отсылку к центру. Это значит, что внутри

⁴ Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 357.

рассуждения нельзя ни явно, ни скрыто предполагать наличие какой-либо фиксированной точки отсчета (поскольку аксиоматика любой науки на самом деле основывается не на ясности и очевидности, а на конвенции). Поэтому любой выбор, любое предпочтение в процедуре научного исследования объясняется скорее ненормированностью, чем типичностью положения, выбранного внутри системы.

4) Формы объекта исследования и самого исследования должны совпадать. Например, рассуждение о мифе должно быть мифоморфным. Рассуждение о философии, чтобы оно вообще могло нечто сказать о философии, должно быть философским (к примеру, высказывание «философия возникла в Греции в VI в. до н. э.» ничего не сообщает нам о сути философии, поскольку не является философским) и т.д. При этом главная трудность заключается в необходимости удержаться от сползания в эмпиризм. В данном случае эмпиризм – это простое апеллирование к опыту существования тех или иных форм, в результате чего научное исследование может приобрести вид специфического описания, которое всегда можно дополнить или опровергнуть новой информацией. Призрак эмпиризма вызывается к жизни кажущейся неспособностью ученого высказать все, что следовало бы высказать в силу бесконечности соответствующего

информационного поля. Однако способ преодоления эмпиризма обнаруживается тут в возвращении к нашему исходному допущению: избыточность любой структуры является следствием ее игрового характера. Поэтому на данном этапе уже становится ясным, что игру здесь следует рассматривать как бесконечность *подстановок* в замкнутой некоего конечного множества. Это означает, что правильно проводимое научное исследование всегда имеет дело с конечным объемом информации. Бесконечным же является только количество возможных сочетаний элементов, подстановок внутри системы. И эта бесконечность является следствием уже оговоренного ранее отсутствия у всякой системы структуры иерархизирующего центра. Также необходимо понимать, что поскольку игра означающих внутри исследуемой совокупности по сути ориентирована на дополнение, восполнение отсутствующего центра, постольку вообще движение означивания постоянно что-то добавляет, благодаря чему всегда и имеешь больше чем сказано.

Сформулируем теперь ориентировочные выводы по проблеме эстетической ценности науки.

Вообще представление о том, что наука может быть рассмотрена как эстетический феномен, явилось логическим развитием выводов о возрастающей эстетизации политики и фило-

софии. В частности, одним из первых данное представление озвучил Ж.-Ф. Лиотар. Согласно его видению ситуации, современная наука, существующая в условиях повсеместного распространения состояния постмодерна, постепенно приобретает совершенно новый статус (отличный от статуса классической и неклассической науки): сейчас наука является тем катализатором, благодаря которому утрачивается доверие к универсализму, к метарассказам. Такое положение современной науки обуславливается ее основными «темами» — глобальной неопределенностью, катастрофичностью, парадоксальностью и пр. (можно вспомнить хотя бы теорию хаоса И. Пригожина, принцип неопределенности Гейзенберга, теоремы Геделя и т. д.).

Следствием подобного положения дел является, помимо прочего, и повышенное внимание к частностям, деталям. Поэтому сейчас научные теории оцениваются не только (и не столько!) на истинность, объективность, но и на красоту.

Еще одним важным обстоятельством в деле эстетизации науки является рассмотрение научной деятельности в качестве специфической речи, языковой игры. Всякая же игра естественным образом предполагает наличие эстетической ее размерности.

И, наконец, еще одной причиной эстетизации науки является постепенная «новая визуа-

лизация» научного знания в ходе компьютеризации общества.

Подход М. Серра к проблеме эстетизации науки характеризуется стремлением ввести и укрепить субъективность в современном научном знании с помощью особых философско-эстетических методов. Существо этих методов заключается в преодолении разрыва между естественно-научным и гуманитарным видениями действительности в рамках игры. Речь идет о текстовом пространстве, благодаря которому единственно и становятся возможными любые подходы к разного рода действительности. Принципы организации данного пространства, прежде всего эстетические принципы, составляют законы некой общей физики, определяющей функционирование научного знания вообще. Следовательно, эстетика — это то, что лежит в основании существования науки в пределах культуры, то, что задает наше отношение к феномену научного знания в целом, то, что в финале предписывает нам соответствующее видение действительности.

Основным практическим методом преодоления разрыва между гуманитарными и естественными науками (т.е. основным способом поведения исследователя, субъекта в рамках научного текстового пространства) является, согласно концепции Серра, «беспорядочный энциклопедизм». Суть этого метода состоит в отношении к

культуре как к целостному пространству—времени, в котором наука, искусство, мифология, политика и пр. неразделимы, в котором все значимые фигуры (Ньютон, Гегель, Аристотель и др.) современны нам и открыты для критики, споров, обвинений в плагиате и т.д., в котором все высказывания могут быть истолкованы перекрестно (романы как предвосхищение физических открытий, поэтические образы как научные термины, а математические формулы как архитектурные конструкции). Полученное в результате применения данного метода эстетизированное знание гораздо более гибко и полно, чем знание, синтезированное любым другим образом.

В свете всего сказанного Серр предлагает рассматривать науку в качестве эпистемологического путешествия, в ходе которого из разнообразных географических, топологических,

художественных, мифологических и прочих дорожных впечатлений рождается некая энциклопедия мира, прекрасная и немного пугающая. При этом нужно понимать, что речь идет прежде всего о языковом путешествии, позволяющем выявить интерференции, трансформации, наложения областей значения и т.д. в коммуникационном поле культуры, о необходимости связать между собой ее разнородные составляющие.

Вышеуказанные положения, на мой взгляд, являются основными, наиболее принципиальными тезисами, характеризующими постмодернистский образ науки. И думается, что изучение данной проблематики было бы далеко не бесполезным для понимания существа феномена науки как такового и для получения представления об исторических метаморфозах самого понятия «наука».